

### УНИЧТОЖЕНИЕ ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ У ГУРОНОВ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ В КВЕБЕКЕ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

*А. В. Федин*

Статья посвящена проблеме создания гуронской редукции на Орлеанском острове близ Квебека в 1650–1657 гг. после уничтожения Гуронской конфедерации и иезуитской миссии там ирокезами в 1648–1650 гг. Фиаско этого проекта было обусловлено критической ситуацией, в которой находилась Новая Франция в середине XVII в., вызванной войной с Ирокезской лигой и дестабилизацией мехоторговли, связанной с распадом торговой сети, ключевым звеном которой были гуроны.

**Ключевые слова:** гуронская редукция, Орлеанский остров, иезуитская миссия, Новая Франция, Квебек, Ирокезская лига

Article is devoted a problem of creation of Huron reduction on Orleans island near Quebec in 1650–1657 after destruction of Huron Confederation and Jesuit mission there by Iroquois in 1648–1650. The fiasco of this project has been caused by a critical situation in which there was New France in the middle of 17<sup>th</sup> century, caused war with Iroquois league and destabilization of the fur-trade through disintegration of Huron's key link of a trading network.

**Key words:** Huron reduction, Orleans Island, Jesuit mission, New France, Quebec, Iroquois League

**К** концу 1640-х гг. иезуитская миссия у гуронон превратилась в важнейший форпост французского присутствия в регионе Великих озер, став не только крупным центром христианизации коренного населения Канады, но и ключевой инстанцией франко-индейского экономического и военно-политического альянса. Иезуитские миссионеры достигли впечатляющих успехов в обращении гуронон в христианскую

веру, крестив к 1649 г. более 6 тыс. чел., включая представителей соседних с ними народов (петун, нейтральная нация, ниписсинг), их торговых партнеров и союзников<sup>1</sup>. Тем не менее, эти успехи развивались на фоне активизации этнических конфликтов в Северо-Восточной Америке, связанной с усилением Ирокезской лиги и ее стремлением установить контроль над торговыми коммуникациями по рекам Оттава и Св. Лаврентия, по которым пушнина от племен Великих озер попадала в Новую Францию. Гуроны были основными посредниками в этой торговле и в силу этого стали главной мишенью для набегов ирокезов с конца 1630-х гг. В конечном счете Гуронская конфедерация была уничтожена в результате мощного вторжения ирокезских воинов в 1648–1649 гг., что привело, в том числе, к гибели нескольких иезуитов, живших в подвергшихся атакам селениях: отцов Антуана Даныеля, Шарля Гарнье, Жана де Бребефа, Габриеля Лалемана, Ноэля Шабанеля, впоследствии канонизированных Католической церковью в качестве мучеников<sup>2</sup>.

Уничтожение конфедерации гуронов и иезуитской миссии у них поставило миссионерское руководство перед трудным вопросом о дальнейших перспективах работы в Гуронии. Попытка возродить миссию на небольшом о-ве Сен-Жозеф на оз. Гурон, куда бежало до 6 тыс. гуронов, окончилась неудачей: изоляция такого количества людей на ограниченном пространстве неизбежно сделала их уязвимыми перед угрозой голода. Зима 1649/1650 г. на острове стала катастрофой:

«Мы были вынуждены созерцать умирающие скелеты, поддерживающие жалкую жизнь, поедая даже экскременты, — сообщал супериор (настоятель) миссии о. Поль Рагено. — Даже выкопанные отвратительные останки лис и собак не вызывали никакого ужаса; и они даже пожирали друг друга, но втайне... Матери ели своих детей; братья братьев; и дети не узнавали больше в трупе того, кого, пока он был жив, называли своим отцом»<sup>3</sup>.

Миссионерам стало ясно, что продолжать миссию в условиях тотального уничтожения потенциальной или реальной паствы было не только опасно, но и бессмысленно.

---

<sup>1</sup> *Campeau L.* La Mission des Jésuites, 1634–1650. Montréal, 1987. P. 325–326.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Федин А.В.* Иезуитская миссия у гуронов в Новой Франции в 1634–1650 гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 116–130; *он же.* Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII в. М., 2016. С. 320–396.

<sup>3</sup> *The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610–1791 / Ed. by R. G. Thwaites.* Cleveland, 1898. Vol. XXXV. P. 89. (Далее: JR.)

В апреле 1650 г. гуронские вожди сообщили Рагено об их решении покинуть остров. Большинство намеревалось рассеяться в лесах, другие — укрыться у родственного племени андасте на Гудзоне, «третьи говорят прямо о готовности... отдаться в руки врага». «Мой брат, — спрашивали гуроны у иезуита, — что ты будешь делать один на этом острове, когда все оставят тебя? Ты пришел сюда возделывать землю? Наставлять деревья?.. Сможешь ли ты следовать за всем этим множеством, которое собирается рассеяться? Выбери место, где ты сможешь повторно собрать нас и предотвратить это рассеяние. Обрати свои глаза к Квебеку, и отведи туда остатки этой разрушенной нации... Если ты последуешь нашим желаниям, то мы построим Церковь под убежищем форта в Квебеке. Там наша вера не умрет»<sup>4</sup>. Принятие этого решения означало отказ не только от планов дальнейшего расширения миссий на запад, но и от всего того, что было создано в течение нескольких десятилетий ценой серьезных материальных издержек, упорного труда и крови. Несмотря на готовность к самопожертвованию ради сохранения миссии, иезуитское руководство решило вернуться в колонию, пригласив христианских гуронов сопровождать их. Новый план иезуитов предполагал создание гуронской редукции «в Монреале, Труа-Ривьер или Квебеке», наподобие уже существовавших алгонкинских объединений в Силлери и Ля Консепсьон<sup>5</sup>.

Итак, 10 июня 1650 г. в путь тронулись «приблизительно триста душ, — жалкие остатки нации прежде столь многочисленной». Двадцать восьмого июля они прибыли в Квебек, где провели зиму близ Отель-Дьё (т.е. госпиталя)<sup>6</sup>. Это были представители трех основных племен Гуронской конфедерации: Медведя, Веревки и Скалы<sup>7</sup>. Еще около 300 человек во главе с военным вождем Этьеном Аннаотайой остались на острове, обещая последовать за миссионерами позднее<sup>8</sup>. Остальные, разбросанные на огромном пространстве к западу от Великих озер к XVIII в., смогут консолидироваться на основе новых этнических и политических связей, установленных с местными племенами. Но это будет уже другой народ, даже имя его будет другим — минго.

---

<sup>4</sup> Ibid. P. 191–195.

<sup>5</sup> Ibid. P. 77, 195–197. Подробнее об алгонкинских Лаврентийских редуциях см.: Федин А.В. Система редуций в Новой Франции в 1637–1660 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 96–109.

<sup>6</sup> JR. Vol. XXXV. P. 199, 207–209; Monumenta Novae Franciae / Ed. par L. Campeau: In 12 vols. Roma, Québec, 1994. Vol. VII. P. 670–671. (Далее: MNF)

<sup>7</sup> Campeau L. Op. cit. P. 319. Четвертый член Гуронской конфедерации, племя Оленя, почти полностью переселилось на территорию сенека, став частью Ирокезской лиги. См.: JR. Vol. XXXVI. P. 141–143.

<sup>8</sup> JR. Vol. XXXV. P. 215.

Вопрос о месте расположения новой редукции, который решался в апреле 1650 г., был довольно трудным. К этому времени между иезуитами и колониальными властями в лице губернатора Луи д'Айбу и кланом из Труа-Ривьер Ленёф возникли напряженные отношения по поводу распределения и границ земельной собственности ордена. В результате иезуиты первоначально стремились обойтись собственными силами на тех землях, права на которые не могли быть подвержены сомнению. Обсуждалась возможность заселения или иезуитских владений в Бопоре, Нотр-Дам-дез-Анж, в Труа-Ривьер, или поселения близ Монреаля при условии тщательного отбора тех семей, которые твердо держались христианской веры. Предполагалось ежегодно выделять 500 экю на обустройство этого поселения<sup>9</sup>. Однако беженцы отказывались там расселяться, в первую очередь, из соображений безопасности: эти места были уязвимы для нападений ирокезов, находясь в отдалении от Квебека<sup>10</sup>. В результате гуруны сами определили место своего поселения — на Орлеанском острове на р. Св. Лаврентия, ввиду Квебека, что гарантировало более эффективную защиту от внезапного нападения врага<sup>11</sup>.

Орлеанский остров был открыт и назван еще Жаком Картье в XVI в. Во время своей первой экспедиции на р. Св. Лаврентия в 1608 г. Самюэль де Шамплен отметил, что «остров <...> очень приятен из-за множества лесов и лугов, множества прекрасных дубов и орешника, а на [западном] краю есть виноградные лозы... В конце острова, на северном берегу, есть водопад. От Орлеанского острова до Квебека одно лье»<sup>12</sup>.

Летом 1651 г. число беженцев достигло 600 человек — прибыли 300 гурунов Этьена Аннаотахи: «Они не принесли с собой никаких припасов из страны, которая уже, не будучи больше обителью живых, но только мертвых, была бесплодна в этом году, что и заставило бедных странников броситься в наши руки»<sup>13</sup>. Эта вторая группа гурунов, дополненная беглецами из страны нейтральных, осела в Труа-Ривьер, сформировав отдельное поселение вне алгонкинской редукции Ля Концепсьон.

Такое число иждивенцев было не по силам содержать ни миссионерам, ни французскому колониальному сообществу в целом: население Новой Франции в то время насчитывало около 860 человек, 600 из которых проживали в Квебеке и его окрестностях<sup>14</sup>. Религиозные объ-

<sup>9</sup> JR. Vol. XXXV. P. 39.

<sup>10</sup> Ibid. P. 207.

<sup>11</sup> MNF. Vol. VII. P. 668.

<sup>12</sup> Champlain S. de. The Works of Samuel de Champlain. Toronto, 1925. Vol. 2. P. 22–24.

<sup>13</sup> JR. Vol. XXXVI. P. 189.

<sup>14</sup> Campeau L. Op. cit. P. 319.

единения Квебека взяли на себя наибольшую нагрузку: госпиталитки и урсулилки приютили на своих землях несколько гуронских семей из племени Медведя, обеспечив им пищу и крышу над головой. «Я прежде никогда не видела такой бедности или такого благочестия», — сообщила настоятельница госпиталя Мари де Сент-Бонавонтьё осенью 1650 г.<sup>15</sup> «Три или четыре из наиболее видных граждан позаботились о семьях» других племен. Монтанье и алгонкины Силлери также внесли свою лепту в обустройство беженцев. «Но, в конце концов, оставалось более двухсот этих бедных христиан, которые не могли найти никакой помощи в голоде»<sup>16</sup>. Эти последние, а также вновь прибывшие (всего около 300 человек) содержались иезуитами: «Мы должны были кормить их <...> в течение первых двух лет и построить им Церковь и форт, чтобы защитить их от вторжений Ирокезов... Короче говоря, мы — их Отцы, их Матери, их всё»<sup>17</sup>. Рагено, ставший супериором канадской миссии в конце октября 1650 г., активно приступил к поиску места на острове, где можно было бы основать редукцию и дать возможность гуронам заниматься земледельческим трудом.

Как и для алгонкинских редукций, юридической основой для создания гуронской колонии стали земельные гранты, предоставленные иезуитам феодальными собственниками колонии — Компанией Новой Франции или ее концессионерами. На Орлеанском острове, названном гуронами Сент-Мари, располагались несколько частных земельных владений, а также земли, принадлежавшие урсулинкам и госпиталиткам<sup>18</sup>. Миссионерам пришлось договариваться с их владельцами (или их представителями), чтобы создать компактную территорию, на которой могла бы расположиться редукция. Прежде всего, с основным сеньором на этом острове — мадам Элеонор де Гранмезон, у которой 19 марта 1651 г. были куплены уже обработанные наделы на крайнем юго-западе острова, в месте, названном Бухтой Форты<sup>19</sup>. Уже 25 марта гуроны

<sup>15</sup> JR. Vol. XXXVI. P. 59; *Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec*. Paris, 1876. T. I. P. 417.

<sup>16</sup> JR. Vol. XXXV. P. 209–211.

<sup>17</sup> Ibid. Vol. XLI. P. 139.

<sup>18</sup> *Turcotte L.-P. Histoire de l'Île d'Orléans*. Québec, 1867. P. 57–58.

<sup>19</sup> JR. Vol. XXXVI. P. 117. С этой сделкой не все ясно. Известно, что 3 апреля 1652 г. г-жа де Гранмезон продала этот же участок земли Жаку Леврье. См.: *Bois L.-E. L'Île d'Orléans: notes sur son étendue, ses premiers établissements, sa population, les moeurs de ses habitants, ses productions*. Québec, 1895. P. 99–100. Леврье (1613 — ок. 1681) был одним из первых иезуитских светских слуг (*donnés*) и до конца жизни продолжал служить иезуитам. См.: MNF. Vol. IV. P. 776. Возможно, повторная сделка со светским лицом понадобилась в условиях противостояния между иезуитами и администрацией колонии по вопросам земельной собственности.

переселились туда из Квебека, а 18 апреля эти земли были распределены между их семьями: каждая семья получила от 20 першей до полуарпана (от 100 до 1700 кв. м)<sup>20</sup>. Причем, пока шла культивация почвы, иезуиты продолжали кормить своих подопечных, «согласно вложенному ими труду»<sup>21</sup>. Гуронское поселение близ Труа-Ривьер было основано 21 января 1650 г. на земельном участке площадью в 200 арпанов, предоставленном Жаном де Лозоном, будущим губернатором Новой Франции<sup>22</sup>.

В конце 1651 г. Рагено сообщал, что гуроны на Орлеанском острове «очистили поля, возвели хижины и утверждают, что нашли здесь свою вторую родину»<sup>23</sup>. Однако поводов для оптимизма было немного. Только за первый год (1650–1651), и это несмотря на помощь госпиталиток и урсулинок, иезуиты израсходовали 8 тыс. ливров на продовольствие и обустройство первой группы из 300 гуронон. В следующем году сумма расходов должна была быть не меньше, как в виду новых беженцев, так и того, что только в 1652 г. гуроны соберут свой первый урожай маиса на Орлеанском острове<sup>24</sup>. С этой целью иезуиты предполагали использовать «меха, принесенные из их страны, которые стоят 20 000 ливров». Миссионеры также обратились за помощью к французскому правительству и частным лицам. В июле 1651 г. король предоставил канадской миссии патент, «дав им права на рыболовство во всех землях, приобретенных ими в Северной и Южной Америке», также подтвердив, и даже распространив на своих преемников, ежегодный грант в сумме 5 тыс. ливров, который был пожалован иезуитской миссии в 1647 г.<sup>25</sup>

Трем из 18 оставшихся в колонии иезуитов была поручена забота о телах и душах гуронских беглецов. Два иезуита, отцы Шомоно и Гарро, сопровождаемые четырьмя донне, поселились среди гуронон Орлеанского острова<sup>26</sup>. Отец Менар стал настоятелем для гуронон Труа-Ривьер<sup>27</sup>.

---

<sup>20</sup> JR. Vol. XXXVI. P. 117.

<sup>21</sup> *Chaumonot P.-J.-M.* La vie du R.P. Pierre Joseph Marie Chaumonot, de la Compagnie de Jesus, missionnaire dans la Nouvelle France. Nouvelle York, 1858. P. 65.

<sup>22</sup> MNF. Vol. VII. P. 642–643.

<sup>23</sup> JR. Vol. XXXVI. P. 203.

<sup>24</sup> *Ibid.* Vol. XXXVI. P. 203, 250; Vol. XLI. P. 139. «На второй год, — вспоминал отец Шомоно, — они нас благодарили за то, что мы показали им, как работать, и собрали маиса столько же, сколько обычно собирали в своей стране». См.: *Chaumonot P.-J.-M.* *Op. cit.* P. 65.

<sup>25</sup> JR. Vol. XXXVI. P. 250.

<sup>26</sup> *Ibid.* Vol. XXXVI. P. 117; Vol. XXXVII. P. 181.

<sup>27</sup> *Ibid.* Vol. XXXVI. P. 127.

Со временем ситуация в гуронской редукции стабилизировалась. Иезуиты стремились создать все условия для нормального функционирования светской и религиозной деятельности их подопечных. Одновременно с заселением гуроном острова началось строительство форта и часовни в честь Явления Блаженной Девы, которая была закончена и освящена в 1653 г.<sup>28</sup> К концу этого года неопиты обрабатывали уже около 300 арпанов земли, собирая урожаи, способные обеспечить население редукции пищей<sup>29</sup>.

«Преданность и вера правят в том небольшом редуте», — утверждал автор «Реляции» за 1654 г. Он продолжает, описывая настоящую идиллию, царящую среди гуроном-христиан:

«Помимо молитв, которые каждый возносит индивидуально утром и вечером в своей хижине, они посещают общественные Молитвы в Церкви... Приказ о прибытии к Молитве сообщается тремя ударами Колокола. Первый призывает членов Конгрегации, христианской элиты; второй для других; и третий для детей до четырнадцати или пятнадцати лет, которые разделены на две группы, мальчиков и девочек. Их скромность и благочестие повергли бы многих французов в позор... Их голоса исключительно красивы, особенно голоса девочек, — для которых были составлены и приспособлены к Церковным Гимнам некоторые Гуронские Мелодии, которые они поют в очаровательной манере. Это — святое утешение, не имеющее ни йоты варварства, слышать, как поля и леса наполняются столь мелодичными хвалами Богу, посреди страны, которую не так давно называли варварской»<sup>30</sup>.

Упомянутая конгрегация — Конгрегация Девы Марии (Congrégation de Notre-Dame) — одно из наиболее ярких свидетельств успехов иезуитов в христианизации гуроном. Основы ее были заложены еще в Гуронии, но окончательно этот религиозный институт сложился в редукции на Орлеанском острове. «Наши Отцы, которые ответственны за колонию, чтобы внушить ее членам большую ревность, сформировали Конгрегацию, в которую они допускают только тех мужчин и женщин, которые ведут образцовую жизнь, и кто своей добродетелью становится достойным этой благодати». Сначала в Конгрегацию входило лишь 10–12 человек, отличавшихся особым рвением и благочестием, будучи способными «поддержать достоинство высокого титула Слуги Девы». Возникший дух соревнования в благочестии (возможно, подкреплен-

---

<sup>28</sup> Ibid. Vol. XXXVII. P. 181; Vol. XXXVIII. P. 179.

<sup>29</sup> Ibid. Vol. XL. P. 223.

<sup>30</sup> Ibid. Vol. XLI. P. 139–141.

ный материальными привилегиями) со временем увеличил число членов, доведя его к 1657 г. до 80 человек<sup>31</sup>, прежде всего, женщин: «Им сообщают их недостатки, — одному, что он небрежен в посещении общественных молитв; другому, что он не предпринимает достаточных усилий, чтобы утвердить дух божий в его семье. [В результате] большинство так изменяет свою жизнь, что наши Отцы обязаны из месяца в месяц принимать множество тех, кто заслуживает этого. Они вступают в членство с невообразимым восхищением...»

Деятельность Конгрегации была исключительно религиозной:

«По воскресеньям и праздникам они собираются на рассвете, <...> молятся в двух хорах, — мужчины на одной стороне и женщины — на другой. Их встреча длится приблизительно час, в то время как Отец дает краткое наставление». Часто священника заменял префект Конгрегации, избранный самими неофитами из своей среды. Днем они участвовали в мессе, затем следовала проповедь и молитва с четками (Розарий), снова в двух хорах. Вечером они встречались для молитвы, на которой «поют Литанию Иисусу или Деве, и некоторые Гуронские церковные песнопения в честь блаженного таинства»<sup>32</sup>.

Обязанности членов Конгрегации заключались в демонстрации истинно христианского образа жизни и предоставлении духовного утешения своим соплеменникам. Девушки и женщины фактически принимали обет целомудрия после допуска в Конгрегацию. «“Она — дочь Марии”, говорится развратному мужчине; что означает, что у него нет никакой надежды в этом направлении». Члены Конгрегации раздавали милостыню, заботились о больных и умирающих. После переселения гуронов в Квебек в 1656–1657 гг. «слуги Марии» также помогали иезуитам в нравственном воспитании индейских учеников Квебекской семинарии<sup>33</sup>. Однако этой идиллии не было суждено продолжиться.

Ирокезы, уничтожив основные силы гуронской конфедерации, теперь стремились покончить с остатками, рассеявшимися от Квебека до озера Мичиган. Для тех существовали лишь две альтернативы: быть уничтоженными, либо влиться в состав Ирокезской лиги на правах «племянников», усыновленных и натурализованных ирокезами. Эта политика была обусловлена как традицией межплеменных конфликтов, так и сложной демографической ситуацией, в которой оказались ирокезские племена к середине XVII в.: войны и эпидемии сильно со-

<sup>31</sup> JR. Vol. XLIII. P. 237.

<sup>32</sup> Ibid. Vol. XLI. P. 147–151.

<sup>33</sup> Ibid. Vol. XLI. P. 151–153, 165; Vol. XLIII. P. 207.



кратили их численность, которую они стремились восполнить инкорпорированием в свои ряды представителей покоренных племен. Французы, предоставившие гуронам убежище, рассматривались ирокезами как их союзники и, соответственно, враги Ирокезской лиги.

Гуроны и французы Труа-Ривьер первыми столкнулись с этой угрозой, находясь на рубежах колонии. Уже 20 августа 1650 г. ирокезы напали на предместья этого поселения<sup>34</sup>. Отряды из индейских редуций, в состав которых теперь вошли и гуроны, пытались мстить врагам, но, как правило, безуспешно. С этого времени нападения ирокезов на французские поселения становятся постоянными: франко-ирокезский конфликт, который медленно тлел на протяжении предшествующего десятилетия, превратился в настоящую войну, которая будет бушевать до конца столетия. Главной целью ирокезов стала депортация гуронов из французской колонии в Ирокезию и распределение их между племенами Лиги, в первую очередь между могауками, наиболее влиятельным и в то же время наиболее пострадавшим от демографического кризиса племенем, и онондага, традиционными врагами гуронов, требующими компенсации за многолетнюю войну с ними. Между членами Лиги разгорелась серьезная конкуренция за гуронских «племянников», несколько раз поставившая союз ирокезских племен под угрозу. Их стратегией стала дипломатия, подкрепленная террором: переговоры о переселении, нападения и убийства, и вновь — переговоры.

Летом 1652 г. партия могауков вновь прибыла в Труа-Ривьер с целью вынудить гуронскую общину присоединиться к ним прежде, чем это сделают онондага. Были проведены переговоры, на которых могауки и бывшие с ними («усыновленные») гуроны предложили гуронам Труа-Ривьер воссоединиться со своими родственниками у них в стране. Во время одного из раундов переговоров Аннаотаха схватил могауковского вождя, которого на следующий день окрестили и сожгли. Это ожесточило могауков, и вместо стремления к аккомодации ими овладело желание мести гуронам. В последовавших нападениях погибло несколько жителей и комендант Труа-Ривьер Дюплесси<sup>35</sup>. Весной следующего года появление ирокезских отрядов вызвало панику у французского населения вне Квебека, спровоцировав настоящее бегство из Труа-Ривьер, Силлери и других мест<sup>36</sup>. Все лето ирокезские военные отряды курсировали по р. Св. Лаврентия, полностью остановив поток мехов во французские поселения. «Никогда не были так пусты склады страны», — восклицал отец Лемерсье в «Реляции» 1653 г. Он утверждал:

---

<sup>34</sup> Ibid. Vol. XXXV. P. 53.

<sup>35</sup> Ibid. Vol. XXXVII. P. 107–113; Vol. XXXVIII. P. 53–55; Vol. XL. P. 97.

<sup>36</sup> Ibid. Vol. XXXVIII. P. 169, 173.

«Это вина Ирокезов, это они мешают всей торговле бобровыми шкурами, которые всегда являлись главным богатством этой страны»<sup>37</sup>.

Французы были поставлены перед нелегким выбором: мир с Ирокезской лигой, ценой которого был отказ от покровительства гуронам, или тотальная война, означавшая крах колониальной пушной торговли и, вероятно, самой колонии. Колония, с населением в 1,2 тыс. человек и бюджетом менее 50 тыс. ливров, в условиях полной изоляции и неэффективности европейской стратегии в войне с туземцами, не могла выстоять против ирокезов<sup>38</sup>. Вот почему, когда в июне 1653 г. в Монреале появились послы онондага, «чтобы узнать, склонны ли сердца французов к миру, к ним отнеслись благожелательно». Онондага предлагали заключить всеобщий мир, включая гуронских и алгонкинских союзников Новой Франции, а также настаивали, что их воины не участвовали в нападениях на французские поселения, а это дело рук могауков<sup>39</sup>. Однако истинной и главной целью послов было создание возможности мирной и быстрой депортации гуронов в Ирокезию. В сентябре на Орлеанский остров прибыло официальное посольство от онондага и онейда, которые также говорили от имени сенека и кайюга. Фактически, вся Ирокезская лига, за исключением могауков, предлагала французам и их индейским союзникам мир<sup>40</sup>. Отказаться от такого предложения ни колониальные чиновники, ни иезуитские миссионеры не могли. Для первых мир означал, прежде всего, восстановление колониальной торговой инфраструктуры, нарушенной войной, и даже в перспективе ее расширение на территорию Лиги. С тех же позиций смотрели на мир и миссионеры: он предоставлял возможность восстановить утраченные позиции на Великих озерах и получить доступ к ирокезским поселениям для восстановления благочестия плененных индейских неофитов и для обращения их хозяев.

Могауки стремились всячески помешать или опередить своих союзников в деле «усыновления» гуронов-христиан. Двадцать второго августа до 500 могаукских воинов осадили Труа-Ривьер, уничтожив посеы и скот, а также захватив нескольких французов, в том числе иезуитского миссионера о. Поне<sup>41</sup>. Целью этих действий было включение могауков в переговорный процесс и участие в судьбе гуронов. Двадцать четвертого августа гуроны Труа-Ривьер выступили посредниками

<sup>37</sup> JR. Vol. XL. P. 211–213.

<sup>38</sup> *Campeau L.* Gannentaha: First Jesuit Mission to the Iroquois. Midland, 2001. P. 10–11.

<sup>39</sup> JR. Vol. XL. P. 89–91, 163–165.

<sup>40</sup> *Ibid.* Vol. XXXVIII. P. 195; Vol. XL. P. 165–167. В результате за этими четырьмя племенами во франко-канадской традиции закрепилось название Верхних ирокезов, тогда как могауки стали называться Нижними.

<sup>41</sup> *Ibid.* Vol. XXXVIII. P. 191–193; Vol. XL. P. 107–113.

в переговорах с могауками, среди которых находилось много «принятых» гуронов, их родственников и друзей. Условием включения могауков в переговоры о мире с Верхними ирокезами стало требование вернуть в колонию всех захваченных ими французов, прежде всего, о. Поне, на что те легко согласились<sup>42</sup>.

Переговоры с Верхними ирокезами начались на Орлеанском острове в сентябре 1653 г.<sup>43</sup> Наибольшую оппозицию заключению мира оказали алгонкинцы редукций Силлери и Ля Консепсьон. Гуроны заняли более взвешенную позицию, заявив, что «о старых спорах нужно теперь забыть». Эту точку зрения, естественно, разделяли и французы, тем более, что ирокезы соглашались на открытие миссии в их стране<sup>44</sup>. Одновременно с официальными переговорами онондага начали и тайные — только с гуронами Орлеанского острова. Результатом их стало обещание части гуронов отправиться весной следующего года к онондага «ради “племянников”, захваченных на войне»<sup>45</sup>.

Возможно, в принятой гуронами на переговорах позиции уже начали проявляться те тенденции, которые приведут к ликвидации редукции на Орлеанском острове. Французы в конфликте с ирокезами в 1650–1653 гг. продемонстрировали явную слабость и неспособность защитить своих подопечных. Но помимо этого ситуационного фактора, существовали более глубокие причины стремления гуронов к миру. Многими этнологами и этноисториками отмечались сильные семейные и племенные связи, существовавшие в гуронской конфедерации. Осознание факта, что множество родственников и друзей находятся в Ирокезии, было серьезным стимулом для гуронов-христиан согласиться с предложением ирокезов и отправиться в их поселения для «усыновления».

Однако вскоре ситуация для гуронов опасно изменилась. После возвращения 5 ноября о. Поне в Квебек могауки включились в мирные переговоры наравне с Верхними ирокезскими нациями и повели ту же двойную игру, что и их союзники: они представили гуронам Орлеанского острова дар из трех ожерелий вампума «редкой красоты» на тайной встрече, предлагая им отправиться именно к ним, могаукам, а не куда-либо еще<sup>46</sup>. Гуронские вожди были смущены и испуганы; принять дары означало дать согласие на переселение и, тем самым, ввергнуть себя в руки тех, кто так недавно уничтожил их страну и преследовал их

---

<sup>42</sup> Ibid. Vol. XL. P. 113–115.

<sup>43</sup> Ibid. P. 165–167.

<sup>44</sup> Ibid. P. 189, 219–220.

<sup>45</sup> Ibid. Vol. XLI. P. 21.

<sup>46</sup> Ibid. P. 47.

за ее пределами. Это означало отсутствие всяких гарантий жизни и личной свободы и конец их существования как отдельной этнической группы. С другой стороны, отказ ставил их перед возможностью физического уничтожения, а на помощь французов они уже не надеялись. В результате, после долгих колебаний, гуроны приняли предложение могаукских послов, сохранив и эти переговоры в тайне как от колониального руководства, так и от миссионеров<sup>47</sup>. Примерно тогда же дали свое согласие на переселение к могаукам и гуроны Труа-Ривьер<sup>48</sup>.

Тем не менее, сомнения в правильности избранного пути продолжали угнетать многих из гуронских вождей. Наконец, 18 ноября, они рассказали миссионерам и губернатору де Лозону о секретном соглашении с могауками, уверяя, «что они полны решимости жить и умереть с нами». Но французы к этому времени уже ратифицировали мирный договор с могауками (9 ноября), отказ от которого означал новую войну. Поэтому ответ Лозона был далек от конкретики: «время позволит нам добиться некоторых преимуществ даже перед Ирокезами и спастись от вынашиваемых ими целей нашего уничтожения»<sup>49</sup>.

Когда 30 января 1654 г. прибыли послы онондага для ратификации мира, они вновь повели тайные переговоры с гуронами о переселении в их деревню<sup>50</sup>. Будучи информированными об этом, 4 февраля губернатор д'Айбу, отцы Рагено, Шомоно и Лемерсье провели совет с гуронами, на котором губернатор, прямо обвинив их в двойной игре, заявил, что «у него нет никакого намерения держать его Гуронских “племянников” как пленников». Выходом из сложившегося положения, по мнению д'Айбу, стало бы обращение гуронов к онондага с целью убедить их открыто «просить его ослабить немного объятья и предоставить свободу Гуронам, которых он держал под своей защитой». Гуронские вожди предложили, что их переселение может произойти «через два года». «Мы видим явно, — сказали вожди, — что те две Ирокезских Нации [онондага и могауки] в духе взаимной зависти стремятся привлечь нас каждая на свою сторону. Безотносительно плана, который мы примем, мы одинаково столкнемся с бедой»<sup>51</sup>. Однако французы были не в том положении, чтобы отказываться от мира перед лицом объединенной силы четырех ирокезских племен. Но и мир ценой жизни или свободы их гуронских союзников был для них (особенно иезуитов) неприемлем. В результате родился компромисс, поло-

---

<sup>47</sup> JR. P. 47–49.

<sup>48</sup> Ibid. P. 19–21. Вероятно, во время «осады» Труа-Ривьер могауками в августе 1653 г.

<sup>49</sup> Ibid. P. 49.

<sup>50</sup> Ibid. P. 19, 51–65.

<sup>51</sup> Ibid. P. 23, 57.

живший конец гуронской редукции на Орлеанском острове, с одной стороны, и начало миссии у Верхних ирокезов — с другой.

После этого совета гуронские вожди предложили послам онондага следующий вариант. Они были готовы поселиться в их стране, но при условии создания там французской миссии. Онондага приняли этот вариант и даже согласились отсрочить его выполнение на год. Они обещали им построить резиденцию для миссионеров с целью распространения ими христианства среди онондага и гуронов. Они также согласились, чтобы гуронские семьи получили полную свободу выбора: могауков ли, сенека или онондага. Пятого февраля онондагский посол, гуронские вожди и французы ратифицировали это соглашение<sup>52</sup>.

Однако этот вариант освобождал могауков от мирных обязательств, по крайней мере, в отношении гуронов и алгонкинов, и межплеменные войны в долине р. Св. Лаврентия вспыхнули вновь. После новых нападений гуроны Труа-Ривьер, в конце концов, были вынуждены перебраться на Орлеанский остров под защиту форта<sup>53</sup>. В этой ситуации французы стремились продолжать переговоры. В 1654–1655 гг. иезуитский миссионер о. Симон Лемуан совершил путешествие к онондага и могаукам, в результате обезопасив французскую колонию от их нападений, но ничего не добившись в отношении индейских союзников французов<sup>54</sup>. Более важным для иезуитов было сообщение Лемуана о «Плененной Церкви, охватывающей более тысячи христиан», прежде всего гуронов, «усыновленных» ирокезами<sup>55</sup>. В перспективе установления миссии среди ирокезов, обеспечивающей доступ к пленным гуронским неопитам, переселение гуронов Орлеанского острова не рассматривалась как катастрофа и крах редукции, а лишь как выполнение одной из присущих ей функций — прозелитизма, которую уже эффективно продемонстрировали члены алгонкинских редукций, в том числе и для самих гуронов. Светские власти тоже стратегически выигрывали от мира с Верхними ирокезами — воевать только с могауками или со всей Лигой сразу.

Нападения могауков возобновились с той же регулярностью, что и до 1653 г. Основной удар приняли на себя алгонкины и гуроны редукций, хотя часто жертвами оказывались и французы, прежде всего иезуиты, всегда находящиеся на переднем крае, рядом со своей паствой. В мае 1655 г. близ Силлери погиб иезуитский брат Льежуа<sup>56</sup>. В 1656 г.

---

<sup>52</sup> Ibid. P. 63–65.

<sup>53</sup> *Campeau L.* La Mission des Jésuites... P. 324.

<sup>54</sup> JR. Vol. XLI. P. 95–105; Vol. XLII. P. 37–49, 215–217.

<sup>55</sup> Ibid. Vol. XLI. P. 133.

<sup>56</sup> Ibid. Vol. XLII. P. 263–265.

могауки напали на Орлеанский остров, убив и пленив 71 гурона<sup>57</sup>, ранили брата Лебосма около Сент-Круа<sup>58</sup> и убили отца Леонара Гарро, сопровождавшего флотилию оттава на запад<sup>59</sup>. Лемуан совершил еще одно путешествие к могаукам осенью 1656 г., чтобы убедить их включить гуронов и алгонкинов в мирный договор. Условием могауков было по-прежнему требование переселения гуронов Орлеанского острова на их территорию уже в следующем году<sup>60</sup>. Гуроны обречались на это логикой обещания, которое они дали в 1653 г.<sup>61</sup> В то же время онондага обвиняли французов в препятствовании возможности гуронам уйти в Ирокезию. Двадцать девятого февраля 1656 г. они предъявили иезуитам, находящимся у них вместе с гуронскими послами, ультиматум, что если в этом году миссия у них не будет основана, они вновь выйдут на тропу войны<sup>62</sup>.

Нападение могауков на Орлеанский остров в ночь с 19 на 20 мая 1656 г. нанесло непоправимый ущерб гуронской редукции. Среди попавших в плен оказалось много молодых женщин и несколько самых пылких христиан, 11 членов конгрегации Девы Марии, в том числе и ее префект Жак Оашонк. «Французы на Орлеанском острове, с которыми столкнулись те Варвары, не были пленены; ибо Ирокезы сказали, что они были в мире с нами»<sup>63</sup>. Гуронских пленников пытали в виду Квебека, но французы, боясь разрушить хрупкий мир, не могли помешать этому. Единственное, что было предпринято, это несколько посещений иезуитского отца для утешения и исповеди захваченных гуронов<sup>64</sup>. Эти события вызвали повальное бегство гуронов-христиан с острова под защиту стен Квебека, которое, фактически, положило конец редукции. В 1657 г. по распоряжению губернатора д'Айбу для них был построен форт Сен-Луи рядом с церковью<sup>65</sup>.

Косвенным свидетельством отказа иезуитов от продолжения существования редукции на Орлеанском острове в пользу миссии у онондага является отправка к ним в сентябре 1655 г. вместе с гуронским посольством иезуитской миссии под руководством главы гуронской колонии отца Шомоно. Он представлял собой важнейший свя-

---

<sup>57</sup> JR. Vol. XLIII. P. 115–125.

<sup>58</sup> Ibid. P. 137.

<sup>59</sup> Ibid. Vol. XLII. P. 225–239.

<sup>60</sup> Ibid. Vol. XLII. P. 261; Vol. XLIII. P. 187, 211–215.

<sup>61</sup> *Campeau L. Gannentaha...* P. 20.

<sup>62</sup> JR. Vol. XLII. P. 201.

<sup>63</sup> Ibid. Vol. XLIII. P. 115–119.

<sup>64</sup> Ibid. P. 123.

<sup>65</sup> Ibid. Vol. XLV. P. 245.

зующий элемент между гуронскими беженцами и французами, колонистами и миссионерами. После гибели апостола гуронов отца Бребефа, принятого ими как духовного лидера и нареченного индейским именем Echon, в 1649 г. они так же назвали именно отца Шомоно, подчеркивая преемственность в этих функциях и обязательствах<sup>66</sup>. Теперь он отправился к ирокезам, оставив своих подопечных в самый трудный для них момент. Отец Шомоно в своих воспоминаниях, написанных в 1688 г., почти ничего не сообщает об этом решении, кроме упоминания, что выбор его в качестве посланника к ирокезам принадлежал губернатору<sup>67</sup>. Но известно, что вопрос об открытии миссии на территории Ирокезии вызвал настоящий раскол в среде канадских иезуитов, последствия которого преодолевали высшие лица ордена, вплоть до генерала, что привело к репрессиям против инициаторов «ирокезского проекта»: замене суперiorsа миссии Новой Франции Лемерсье отцом Деконом и «ссылке» отца Рагено в Труа-Ривьер<sup>68</sup>.

Тем не менее, миссия в Ганнентаха, близ поселения онондага, была открыта объединенными усилиями светских и духовных властей Новой Франции летом 1656 г. Поглощенные главным своим желанием захватить гуронов, онондага были весьма разочарованы, когда увидели, что гуроны не пришли с французами. В результате онондага решили силой принудить гуронов переселиться. Зная, что могауки уже добились от них согласия в 1657 г., 100 воинов онондага явились к Квебеку в конце апреля этого года. В иезуитском коллеже состоялось заседание совета, на котором онондага потребовали от гуронов и французов выполнения их давних обещаний<sup>69</sup>.

Гуроны вновь просили отсрочки, чем вызвали гнев ирокезов. Один из послов онондага убил гуронского оратора. Неминуемого кровопролития удалось избежать благодаря быстрому вмешательству иезуитов. Гуроны все же настояли на своем, обещая, что как только будут готовы к переселению, они отправятся в Монреаль, и там будут ожидать онондагских эмиссаров, чтобы уйти вместе с ними<sup>70</sup>. Онондага были вынуждены уехать без своей человеческой добычи.

Вслед за онондага летом 1657 г. явились могауки, чтобы в свою очередь требовать обещанного. Племя Вережки так и не смогло решиться оставить французов. Большинство племени Скалы высказалось за пере-

---

<sup>66</sup> Ibid. Vol. XXXIV, 209–211.

<sup>67</sup> *Chaumonot P.-J.-M.* Op. cit. P. 66.

<sup>68</sup> MNF. Vol. VIII. P. 736–742, 745, 809.

<sup>69</sup> JR. Vol. XLIII. P. 199–205.

<sup>70</sup> Ibid. P. 205–207.

селение к онондага. Племя Медведя было единственным, которое согласилось отдаться в руки могауков<sup>71</sup>. В течение лета (2 июня, 21 и 26 августа) три партии гуронских мигрантов общим числом в 50 человек отправились в страну могауков<sup>72</sup>. Отец Лемуан сопровождал последнюю группу этих гурунов<sup>73</sup>.

Пришло время и для племени Скалы выполнить их обещание, данное племени онондага. Шестнадцатого июня 1657 г. «приблизительно пятьдесят гурунов-христиан, включая мужчин, женщин и детей», отправились в Монреаль. Там ирокезский эскорт из 46 воинов онондага и сенека повел караван беженцев вместе с несколькими колонистами и иезуитами во главе с отцом Рагено вверх по р. Св. Лаврентия<sup>74</sup>. На одной из остановок на речном островке 3 августа онондага внезапно напали на гурунов: были убиты почти все мужчины, женщины ограблены<sup>75</sup>. Чем была инспирирована эта резня — неясно. Когда отец Рагено пытался вмешаться, вождь онондага ответил ему, что «Губернатор, Мерсье и Шомоно приказали, чтобы они нанесли этот жестокий удар»<sup>76</sup>. Крупный специалист по этнографии и истории гурунов Б. Триггер принимает этот ответ без всякой критики, считая, что этим актом французы (и иезуиты) добивались укрепления союза с ирокезами<sup>77</sup>. Полемизируя с ним, иезуитский историк Л. Кампо обвинил Триггера в непонимании миссионерских мотиваций и предубеждении против французов и иезуитов. С его точки зрения, этим актом онондага утверждали свое право собственности на гурунов перед другими членами Лиги (сенека)<sup>78</sup>. Не стоит забывать также, что онондага и гуруны давно враждовали, уничтожение Гуронской конфедерации в 1649–1650 гг. было инициативой именно онондага, и то, что произошло на острове на р. Св. Лаврентия, могло являться спонтанной вспышкой застарелой ненависти, кровной мстью, подогретыми долгими провололочками гурунов, не желавшими уходить к ирокезам.

Новости об этих убийствах окончательно отбили у гурунов всякое желание дальнейших миграций. Следующим ирокезским партиям «покупателей» следовал твердый отказ<sup>79</sup>. Неизбежно это означало но-

---

<sup>71</sup> JR. P. 191.

<sup>72</sup> Ibid. P. 49, 53, 55.

<sup>73</sup> Ibid. Vol. XLIV. P. 189.

<sup>74</sup> Ibid. P. 51, 69.

<sup>75</sup> Ibid. P. 73–75.

<sup>76</sup> Ibid. P. 77.

<sup>77</sup> *Trigger B.* The Children of Aataentsic. A History of the Huron People to 1660. Montreal—L., 1976. P. 813.

<sup>78</sup> *Campeau L.* Gannentaha... P. 41–43.

<sup>79</sup> JR. Vol. XLIII. P. 57–61, 65, 67, 69; Vol. XXXIV. P. 85, 189–191.



вую войну с Лигой, которая началась с бегством иезуитской миссии от онондага в марте 1658 г.

В целом, приблизительно 100 гуронов из 500, живших в Квебеке, отправились либо к онондага, либо к могаукам. Остальные со временем основали новое поселение близ Квебека, названное Лорет («старая Лорет»), в честь св. Марии Лоретанской. Их первоначальная численность неизвестна. Она впервые была названа в 1671 г. (150 человек), когда окончательно гуроны нашли пристанище в Лорет<sup>80</sup>. Источники содержат несколько данных о динамике численности гуронов-христиан в 1652–1671 гг. Из 600 поселившихся в колонии гуронов: 6 человек («наших лучших христиан») утонули в 1652 г.<sup>81</sup>, 71 погибли или попали в плен в 1656 г. во время резни на Орлеанском острове, и еще 40 гуронов («цвет тех, кто остался») в 1660 г. в битве у Лон-Со<sup>82</sup>. То есть зафиксирована потеря 117 человек, помимо той сотни, которая ушла с ирокезами. Вместе с тем, регистр Силлери (куда записывались все крещения и браки индейцев-христиан Квебека и окрестностей) сообщает о 15 крещениях на Орлеанском острове в 1653–1656 гг.<sup>83</sup> Зная, что в результате тщательного отбора иезуитов на острове изначально не было язычников, можно предположить, что это рожденные в редукации дети. Принимая во внимание неучтенные миграции (прежде всего, охотничьи: у гуронов в 1657–1669 гг. не было редукации и, соответственно, оседлого земледелия), высокую смертность в результате войн и эпидемий, явно превышающую рождаемость, представляется, что версия Кампо (приблизительно 400 человек, оставшихся в Квебеке в 1657 г.) близка к истине, и к ирокезам ушла лишь пятая часть первоначального населения редукации. Оставшееся большинство, по мнению Кампо, было спасено именно политикой де Лозона и иезуитов, которые, находясь в опасной ситуации, «сделали все возможное, чтобы спасти своих гуронских союзников». Проект ирокезской миссии был создан именно с целью защитить «плененную гуронскую церковь»<sup>84</sup>.

Несомненно, участие в судьбе гуронов, главного союзника и торгового партнера французов на протяжении почти полувека, а также основного объекта приложения миссионерских трудов и ресурсов,

<sup>80</sup> Ibid. Vol. LIV. P. 287.

<sup>81</sup> Ibid. Vol. XXXVII. P. 169.

<sup>82</sup> Стэнли, исходя из данных 1671 г., называет число гуронов, оставшихся в Квебеке в 1657 г., в 150 чел., ошибочно отнимая от этого числа тех 40, бывших у Лон-Со в 1660 г. См.: Stanley G.F.G. The First Indian «Reserves» in Canada // *Revue d'histoire de l'Amérique française*. 1950. Vol. 4. No. 2. P. 194).

<sup>83</sup> Le registre de Sillery, 1638–1690 / Ed. par L.–P. Hébert. Québec, 1994. P. 39.

<sup>84</sup> Campeau L. Gannentaha... P. 68.

во многом определяло политику колонии в отношениях с Ирокезской Лигой — их общим антагонистом. Тем не менее, главным для французов оставался вопрос собственного выживания, что и привело их к фактически пассивной позиции в вопросе о миграции гуронов на ирокезскую территорию. События на Орлеанском острове 1656 г. ярко иллюстрируют это. Нельзя абсолютизировать, как это делает Кампо, «гуронский фактор» и в создании миссии в Ганнентаха: и колонисты, и миссионеры стремились к этому, исходя из собственных меркантильных или апостольских интересов. В целом, главными причинами фиаско гуронской редукции стали те же, что разрушили редукции алгонкинов в Силлери и Ля Консепсьон: недостаток средств и война с ирокезами. Гуроны-христиане искали на Орлеанском острове защиты и пропитания, но не получили ни того, ни другого. Ирокезские нападения, увенчанные резней 1656 г., не прекратились, а открытие миссии на территории ирокезов лишило не только иезуитов, но и всю колонию последних средств.